

Донцова Галина Геннадьевна

соискатель кафедры социальной работы,
психологии и педагогики высшего образования
Кубанского государственного университета

Рудаков Максим Геннадьевич

соискатель кафедры социальной работы,
психологии и педагогики высшего образования
Кубанского государственного университета

**НОВЫЕ И НЕТРАДИЦИОННЫЕ
РЕЛИГИИ. УГРОЗА РАСПРОСТРАНЕНИЯ
РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА
В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ [1]**

Аннотация:

Статья посвящена исследованию угрозы распространения экстремистских религиозных идей и учений в молодежной среде. Изучаются факторы активизации экстремистских проявлений, риски экспансии религиозного терроризма на территорию Российской Федерации в целом и Краснодарского края в частности.

Ключевые слова:

религиозный экстремизм, молодежь, новое религиозное движение, нетрадиционная религия, конфликтообразующие факторы.

Dontsova Galina Gennadyevna

PhD applicant, Social Work, Psychology
and Pedagogy of Higher Education Department,
Kuban State University

Rudakov Maxim Gennadyevich

PhD applicant, Social Work, Psychology
and Pedagogy of Higher Education Department,
Kuban State University

**NEW AND NON-TRADITIONAL
RELIGIONS. THE THREAT OF
SPREAD OF RELIGIOUS EXTREMISM
AMONG THE YOUTH [1]**

Summary:

The article deals with the threat of the spread of extremist religious ideas and teachings among the youth. The authors study the factors reinforcing extremist manifestations, the risks of religious terrorism spread in the territory of the Russian Federation in general and the Krasnodar Territory in particular.

Keywords:

religious extremism, youth, new religious movement, non-traditional religion, conflict-generating factors.

Проблема молодежного экстремизма актуальна в современных условиях, особенно в свете политических событий последних лет в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в России и особенно на Украине. Во всех перечисленных случаях молодежь являлась активным субъектом и (или) участником экстремистских выступлений. На фоне обострения внешнеполитических угроз для нашей страны существенна вероятность роста внутренней социальной и политической напряженности. При этом представители ряда экстремистских и террористических организаций («Правый сектор» или «Имарат Кавказ») открыто декларируют цели дестабилизации этносоциальной, религиозной и политической обстановки в РФ. Особую озабоченность вызывают регионы со сложным этническим и конфессиональным составом (например, Краснодарский и Ставропольский края), а также территории, притягательные для трудовых мигрантов (в частности, Москва, Санкт-Петербург).

Активизация экстремистских проявлений связана с рядом следующих факторов:

- экономических (экономической нестабильностью, безработицей, снижением уровня доходов населения, криминализацией экономики, социальным расслоением общества);
- социально-политических (ослаблением и коррумпированностью органов государственной власти, неэффективностью силовых структур, криминализацией общества, несовершенством законодательства, поддержкой экстремистских организаций зарубежными государствами и др.);
- идеологических (отсутствием государственной идеологии, принятой обществом) [2].

Российские ученые Ю.А. Зубок, В.И. Чупров в исследовании «Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции» [3] из факторов, влияющих на развитие и становление молодежного экстремизма любого толка, выделяют следующие:

- ослабление воспитательного направления работы с молодежью (недостаток воспитательных воздействий на личность молодого человека, а также информации просветительского характера о национальных, культурных, конфессиональных и прочих особенностях народов страны);
- кризис института семьи и семейного воспитания (резкое снижение возможности семьи защитить детей от асоциального влияния СМИ и улицы, обеспечить необходимый уровень их интеллектуального и нравственного развития и др.);
- навязывание СМИ стереотипов массовой культуры, когда распространяются фильмы, кровавые боевики и триллеры, а также телепередачи и компьютерные игры, стимулирующие у молодежи жестокость, насилие и желание его применения на практике;

- активизацию деятельности религиозных и экстремистских организаций;
- широкое распространение современных средств массовой коммуникации и информатизации, где последние годы активно функционируют экстремистские идеи.

Остановимся на одном из факторов, способствующих угрозе распространения экстремизма в молодежной среде, – религиозном. При этом зададимся вопросом: «Может ли вообще экстремизм быть религиозным?»

Рассмотрим несколько ответов. По мнению ряда исследователей и священнослужителей, термин «религиозный экстремизм» некорректен, более того, не может существовать по определению. Это связано прежде всего с идеализацией религии. Во втором ответе любые действия объясняются социально-экономическими и политическими условиями. Да, экстремизм как явление существует, но к религии отношения не имеет. Например, до сих пор чаще всего используется определение экстремизма, данное в Большой советской энциклопедии: «Экстремизм – приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)» [4]. Другая крайность – признание существования религиозного экстремизма, но как исламского или христианского экстремизма, либо сужение этого понятия до православного, католического, протестантского экстремизма или «усамизма» от имени Усамы бен Ладена, как предлагает А. Игнатенко [5].

Если ранее считалось неполиткорректным связывать экстремизм и религию, то после 11 сентября, наверное, было бы неполиткорректно приписывать этому явлению другие причины. Более того, после атаки смертников на Эр-Рияд 12 сентября 2003 г. власти и духовенство Саудовской Аравии впервые публично связали терроризм и религию, признав, что Аль-Каида – религиозная террористическая организация, действия которой направляются духовенством. Последний террористический акт 13 ноября 2015 г. в Париже, когда убийцы расстреливали людей в зале «Батаклан», выкрикивая при этом религиозные лозунги, в очередной раз утвердил прямую связь между экстремизмом и религией.

Автор бестселлера «Бог как иллюзия» Р. Докинз, наверное, прав в том, что религия – один из самых мощных факторов, используемых экстремистами при планировании и осуществлении насильственных деяний. Любое противоправное действие, совершаемое последователем того или иного экстремистского религиозного движения и одобренное духовенством, не является преступлением для того, кто его совершает, скорее, оно считается актом во имя веры и спасения в потустороннем мире.

Возвращаясь к молодежному экстремизму, сразу оговоримся, что четкой формулировки этого понятия на сегодняшний день не существует. Условно определим его как совершение экстремистской деятельности людьми в возрасте до 30 лет. При этом следует подчеркнуть, что основные участники экстремистской и террористической деятельности – подростки и молодежь, но направляют их люди старшего возраста. Религиозный фактор в поле молодежного экстремизма – более сложное и опасное явление, чем национальный и политический. С человеком, находящимся под влиянием экстремистских религиозных идей и учений, практически невозможно договориться или переубедить его. Между ним и обществом стоят не идеи сепаратизма, не политические концепции, которые в принципе могут быть подвергнуты критическому анализу и опровергнуты, а вера в сверхъестественное, что по определению находится за пределами логики.

Наряду с угрозой распространения идей международных религиозных террористических организаций в молодежной среде требуют внимания новые и нетрадиционные религиозные движения, расширяющие влияние на молодежь. Сегодня понятие «новое религиозное движение» (НРД) как в отечественном, так и зарубежном религиоведении остается дискуссионным. Попытаемся дать ему условное определение. Новое религиозное движение – религиозное объединение, имеющее такие признаки, как вероисповедание; осуществление богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний, миссионерской деятельности; обучение религии; религиозное воспитание последователей (что принципиально относится к любому религиозному объединению).

Вместе с тем НРД имеет отличные от исторических или традиционных религий вероучение и культовую практику или предлагает принципиальные дополнения или изменения в существующем вероучении. Руководители (создатели) подобных движений при жизни признаются их последователями мессиями, святыми либо богами. Лидеры обладают в общине неограниченной властью и авторитетом, новое вероучение признается единственно истинным, критика со стороны других религиозных организаций и общественных структур воспринимается как спланированная акция «мира сатаны» или религиозно обоснованные гонения праведников, носителей «абсолютной истины».

На сегодняшний день на территории Краснодарского края органами юстиции зарегистрированы 781 религиозная организация, 30 направлений. Самой многочисленной является Русская православная церковь (Московский патриархат). С 2013 г. она представлена Кубанской митрополией (до этого была Екатеринодарская и Кубанская епархия), в состав которой входят 5 епархий и 487 местных религиозных организаций. В крае также зарегистрированы и действуют в качестве

юридических лиц 7 мусульманских религиозных организаций. Из них 2 подчинены централизованному Духовному управлению мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ), 4 – Духовному управлению мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края (ДУМ РА и КК). Одна религиозная организация действует без централизованного подчинения.

Протестанты – вторые по численности среди зарегистрированных религиозных христианских организаций. Наиболее крупными деноминациями являются евангельские христиане-баптисты, христиане веры евангельской, христиане веры евангельской – пятидесятники, евангельские христиане, адвентисты седьмого дня, Евангелическо-лютеранская церковь, Методистская церковь, Церковь полного евангелия, Новоапостольская церковь, Пресвитерианская церковь. К религиозным организациям, возникшим в культурно-исторической среде протестантизма, относятся свидетели Иеговы и Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны).

Кроме того, на территории края действуют Армянская апостольская церковь епархии юга России, приверженцы иудаизма – ортодоксального и прогрессивного, Древлеправославная церковь (старобрядчество), Русская православная старообрядческая церковь, Поморская церковь, новые религиозные движения – Общество сознания Кришны, «Вера бахаи», Церковь Божьей Матери «Державная» и др.

Согласно исследованиям, проведенным научным коллективом Кубанского государственного университета под руководством доктора социологических наук Т.А. Хагурова, большинство респондентов всех групп выражают приверженность традиционным религиям, в первую очередь православию. Вместе с тем согласно полученным данным доля тех, кто более-менее регулярно посещают храмы (раз в месяц и чаще), не превышает в среднем 15 %. Доля посещающих храм еженедельно (как того требуют предписания и ислама, и христианства) вообще крайне низка [6].

Сегодня вербовщики экстремистских и террористических организаций применяют широкий спектр современных технологий воздействия на сознание человека и вопреки распространенному предубеждению работают не столько с маргинальными группами молодежи, сколько с молодыми профессионалами самых разных направлений – от переводчиков и гуманитариев до специалистов нефтяной отрасли. Яркий пример – вербовка студентки МГУ Варвары Карауловой последовательями радикальной исламской группировки в июне 2015 г. Девушка была завербована через интернет боевиками террористической организации «Исламское государство», деятельность которой запрещена на территории России. Событие имело широкий общественный резонанс.

Риски экспансии религиозного экстремизма и терроризма на территорию Российской Федерации, угрозы распространения экстремистских религиозных идей и учений, а также экспорт нетрадиционных для России верований ставят перед государством и обществом серьезные задачи. Среди них представляются основными профилактика и недопущение проявлений религиозного экстремизма и терроризма, противодействие культурно-религиозной экспансии зарубежных религиозных организаций.

Расширение религиозного экстремизма, активное участие в экстремистской деятельности подростков и молодежи, его потенциальное воздействие на развитие государственной системы и гражданского общества указывают на необходимость разработки мер, позволяющих институционально локализовать угрозу подобных проявлений, и создания условий, максимально блокирующих возможность его возникновения и разрастания до опасных масштабов.

Ссылки и примечания:

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона: прогнозирование и профилактика».
2. Исмаилов Б.И. Теоретические аспекты противодействия молодежному экстремизму и правоприменительная практика зарубежных государств. Алматы, 2011.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009. С. 45.
4. Большая советская энциклопедия. М., 1969–1978. Т. 30. С. 274.
5. Игнатенко А. Эпистемология исламского радикализма [Электронный ресурс]. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1129.htm (дата обращения: 11.06.2016).
6. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона. Опыт эмпирического исследования : коллективная монография / под науч. ред. Т.А. Хагурова. Краснодар, 2015. 232 с.

References:

- Ignatenko, A 2016, *Epistemology of Islamic radicalism*, viewed 11 June 2016, <http://www.situation.ru/app/j_art_1129.htm>, (in Russian).
- Ismailov, BI 2011, *Theoretical aspects of counteraction to youth extremism and practice of foreign countries*, Almaty, (in Russian).
- Great Soviet Encyclopedia 1969-1978*, Moscow, vol. 30, p. 274, (in Russian).
- Khagurov, TA (ed.) 2015, *Extremism and ethno-social conflicts in multi-ethnic youth in the region. Experience in empirical research: the collective monograph*, Krasnodar, 232 p., (in Russian).
- Zubok, YA & Chuprov, VI 2009, *Youth extremism: the nature, manifestations and trends*, Moscow, p. 45, (in Russian).